

TRISTAN
ET ISEUT

ТРИСТАН И
ИЗОЛЬДА

JOSEPH BÉDIER

ЖОЗЕФ БЕДЬЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КНИГА НА ЯЗЫКЕ ОРИГИНАЛА С ПЕРЕВОДОМ

ФРАНЦУЗСКИЙ

РУССКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

Б38

Бедье, Жозеф.

Б38 Тристан и Изольда = Tristan et Iseut / Ж. Бедье; [пер. с фр. А. Н. Веселовского]. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 320 с.: ил. — (Bilingua подарочная: иллюстрированная книга на языке оригинала с переводом).

ISBN 978-5-17-185191-0

«Не желаете ли, добрые люди, послушать прекрасную повесть о любви и смерти? Это повесть о Тристане и королеве Изольде. Послушайте, как любили они друг друга к великой радости и к великой печали...»

Старинная легенда о любви «Тристан и Изольда» издавна волновала людей: она приобрела широкую известность в Средневековье, а сюжет о королеве и ее отважном воине встречается у многих народов. Ученый Жозеф Бедье собрал множество вариаций этой кельтской легенды и восстановил ее первоначальный облик — именно его текст представлен в настоящем издании.

Оригинальный текст «Тристана и Изольды» приводится на французском языке вместе с переводом историка литературы, профессора А.Н. Веселовского, а также сопровождается утонченными иллюстрациями немецкого художника-графика Роберта Энгельса.

Для удобства чтения каждая строка на русском языке расположена напротив соответствующей строки на французском. Такое расположение позволит без труда сравнивать текст оригинала с переводом, обращать внимание на трудности, с которыми сталкивались переводчики, и отмечать наиболее точно переведенные фрагменты.

Подарочное оформление делает книгу отличным дополнением к своей коллекции и приятным подарком дорогим людям.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-185191-0

© ООО «Издательство АСТ», 2026

I Les enfances de Tristan

Глава I Детские годы Тристана

*Du wærest zwære baz genant:
Juvente bele et la riant!
(Gottfried de Strasbourg.)*

Seigneurs, vous plaît-il d'entendre un beau conte d'amour et de mort? C'est de Tristan et d'Iseut la reine. Écoutez comment à grand'joie, à grand deuil ils s'aimèrent, puis en moururent un même jour, lui par elle, elle par lui.

Aux temps anciens, le roi Marc régnait en Cornouailles. Ayant appris que ses ennemis le guerroyaient, Rivalen, roi de Loonnois, franchit la mer pour lui porter son aide. Il le servit par l'épée et par le conseil, comme eût fait un vassal, si fidèlement que Marc lui donna en récompense la belle

Ne souhaitez li, добрые люди, по-слушать прекрасную повесть о любви и смерти? Это повесть о Тристане и королеве Изольде. Послушайте, как любили они друг друга к великой радости и к великой печали, как от того и скончались в один и тот же день — он из-за нее, она из-за него.

В былые времена царствовал в Корнуэльсе король Марк. Про-ведав, что его враги на него опол-чились, Ривален, король Лоонуа, переправился через море ему на по-мощь. Служил он ему и мечом, и со-ветом, как то сделал бы вассал, и слу-жил столь верно, что Марк наградил

Blanchefleur, sa sœur, que le roi Rivalen aimait d'un merveilleux amour.

Il la prit à femme au moutier de Tintagel. Mais à peine l'eut-il épousée, la nouvelle lui vint que son ancien ennemi, le duc Morgan, s'étant abattu sur le Loonnois, ruinait ses bourgs, ses champs, ses villes. Rivalen équipa ses nefс hâtivement, et emporta Blanchefleur, qui se trouvait grosse, vers sa terre lointaine. Il atterrit devant son château de Kanoël, confia la reine à la sauvegarde de son maréchal Rohalt, Rohalt que tous, pour sa loyauté, appelaient d'un beau nom, Rohalt le Foi-Tenant; puis, ayant rassemblé ses barons, Rivalen partit pour soutenir sa guerre.

Blanchefleur l'attendit longuement. Hélas! il ne devait pas revenir. Un jour, elle apprit que le duc Morgan l'avait tué en trahison. Elle ne le pleura point: ni cris, ni lamentations, mais ses membres devinrent faibles et vains; son âme voulut, d'un fort désir, s'arracher de son corps. Rohalt s'efforçait de la consoler:

«Reine, disait-il, on ne peut rien gagner à mettre deuil sur deuil; tous ceux qui naissent ne doivent-ils pas mourir? Que Dieu reçoive les morts et préserve les vivants!... »

его рукою сестры своей, красавицы Бланшефлер, которую Ривален полюбил несказанной любовью.

Он сочетался с нею браком в церкви Тинтагеля. Но едва успел он жениться, как до него дошли вести, что его старинный враг герцог Морган, обрушившись на Лоонуа, разоряет его земли, опустошает нивы и города.

Наскоро снарядил Ривален корабли и повез Бланшефлер, беременную, в свою дальнюю страну. Пристав у своего замка Каноэль, он оставил королеву на попечение маршалу своему Роальду, которому за его верность дали славное прозвище: Роальд Твердое Слово. Затем, собрав баронов, он отправился на войну.

Долго ждала его Бланшефлер. Увы, ему не суждено было возвратиться! Однажды она узнала, что герцог Морган вероломно убил его. Она не оплакивала его: ни стонов, ни сетований. Но ее члены сделались слабыми и безжизненными; душа ее страстно пожелала вырваться из тела. Роальд старался ее успокоить.

— Государыня! — говорил он. — Прикоплять горе к горю нет выгоды. Разве всем родившимся не предстоит умереть? Пусть же Господь примет умерших, и да сохранит Он живых!..

Mais elle ne voulait pas l'écouter. Trois jours elle attendit de rejoindre son cher seigneur. Au quatrième jour, elle mit au monde un fils, et, l'ayant pris entre ses bras:

«Fils, lui dit-elle, j'ai longtemps désiré de te voir; et je vois la plus belle créature que femme ait jamais portée. Triste j'accouche, triste est la première fête que je te fais, à cause de toi j'ai tristesse à mourir. Et comme ainsi tu es venu sur terre par tristesse, tu auras nom Tristan.»

Quand elle eut dit ces mots, elle le baisa, et, sitôt qu'elle l'eut baisé, elle mourut.

Rohalt le Foi-Tenant recueillit l'orphelin. Déjà les hommes du duc Morgan enveloppaient le château de Kanoël: comment Rohalt aurait-il pu soutenir longtemps la guerre? On dit justement: «Démesure n'est pas prouesse»; il dut se rendre à la merci du duc Morgan. Mais, de crainte que Morgan n'égorgeât le fils de Rivalen, le maréchal le fit passer pour son propre enfant et l'éleva parmi ses fils.

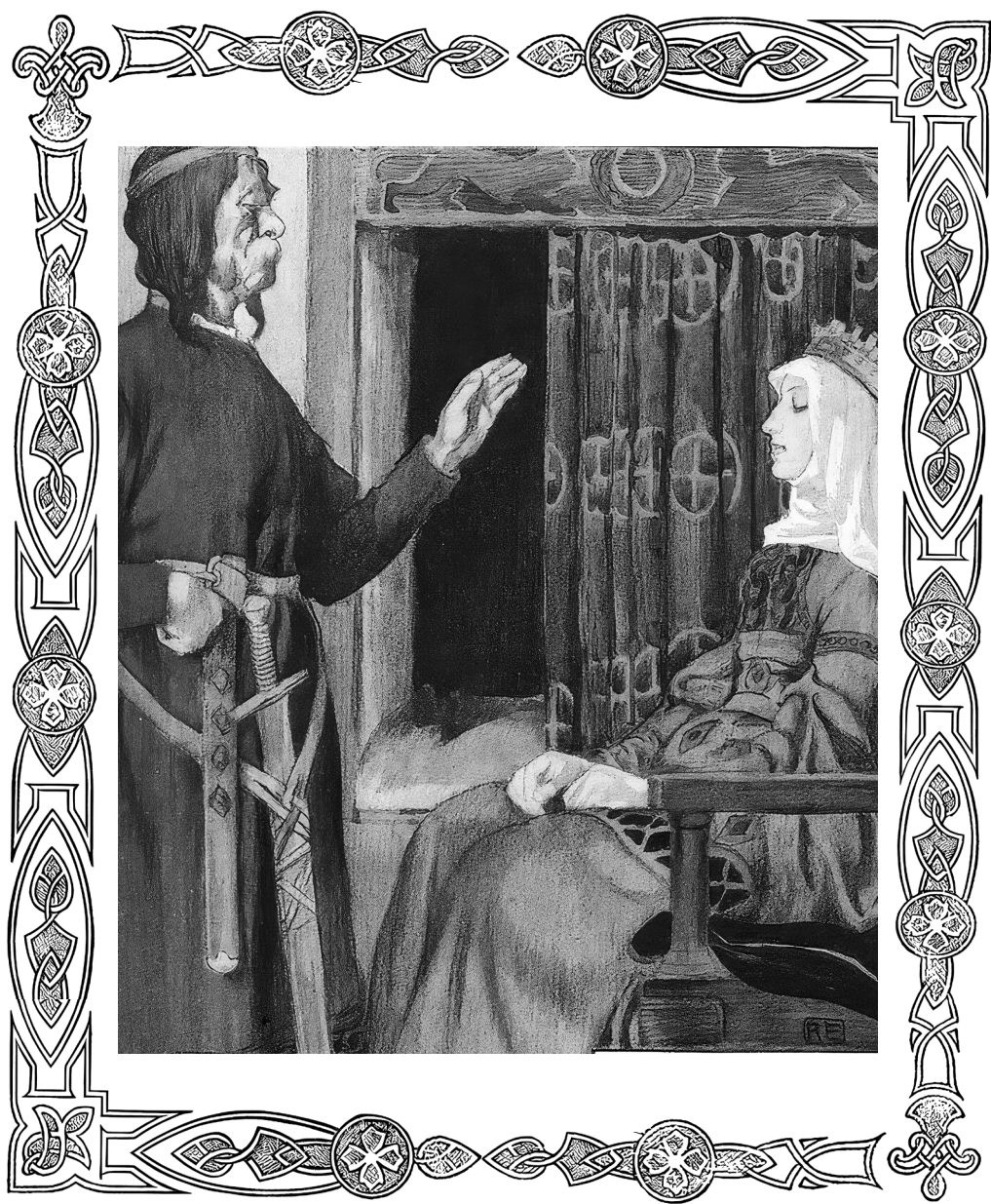
Après sept ans accomplis, lorsque le temps fut venu de le reprendre aux femmes, Rohalt confia Tristan à un sage maître, le bon écuyer Gorvenal. Gorvenal lui enseigna en

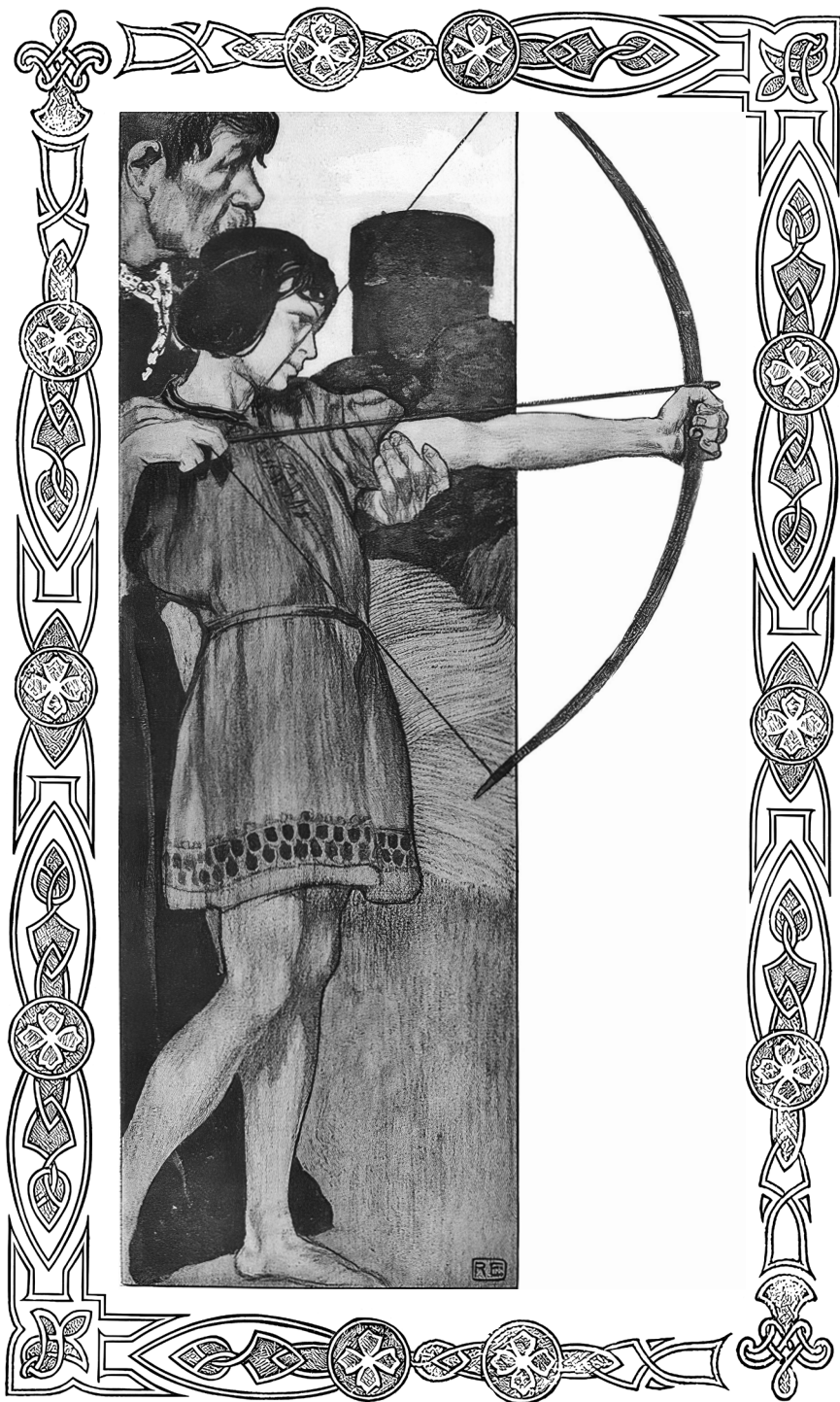
Но она не хотела его слушать. Три дня ждала она свидания с милым супругом; на четвертый родила сына и, взяв его на руки, сказала:

— Сын мой, давно желала я увидеть тебя: вижу прекраснейшее создание, какое когда-либо породила женщина. В печали родила я, печален первый мой тебе привет, и ради тебя мне грустно умирать. И так как ты явился на свет от печали, Тристан и будет тебе имя.

Так сказав, она поцеловала его и, как поцеловала, скончалась. Роальд Твердое Слово взял на воспитание сироту. Уже воины герцога Морган окружили замок Канозель. Как было Роальду долго выдержать войну? Правду говорят: «Отчаянность — не храбрость». Пришлось ему сдать герцогу Моргану. Но из боязни, чтобы Морган не умертвил сына Ривалена, маршал выдал его за собственного ребенка и воспитал со своими сыновьями.

Спустя семь лет, когда наступило время взять мальчика из рук женщин, Роальд вверил его мудрому наставнику, славному конюшему Горвеналу. Скоро обучил его Горве-

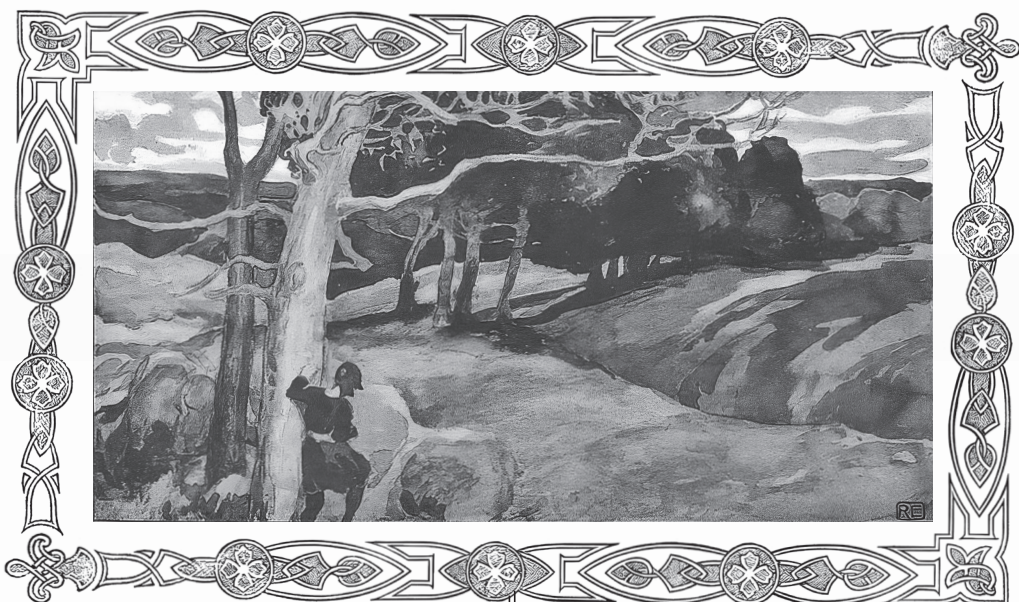

peu d'années les arts qui conviennent aux barons. Il lui apprit à manier la lance, l'épée, l'écu et l'arc, à lancer les disques de pierre, à franchir d'un bond les plus larges fossés; il lui apprit à détester tout mensonge et toute félonie, à secourir les faibles, à tenir la foi donnée; il lui apprit les diverses manières de chant, le jeu de la harpe et l'art du veneur; et, quand l'enfant chevauchait parmi les jeunes écuyers, on eût dit que son cheval, ses armes et lui ne formaient qu'un seul corps et n'eussent jamais été séparés. A le voir si noble et si fier, large des épaules, grêle des flancs, fort, fidèle et preux, tous louaient Rohalt parce qu'il avait un tel fils. Mais Rohalt, songeant à Rivalen et à Blanche fleur, de qui revivaient la jeunesse et la grâce, chérissait Tristan comme son fils, et secrètement le révérait comme son seigneur.

Or, il advint que toute sa joie lui fut ravie, au jour où des marchands de Norvège, ayant attiré Tristan sur leur nef, l'emportèrent comme une belle proie. Tandis qu'ils cinglaient vers des terres inconnues, Tristan se débattait, ainsi qu'un jeune loup pris au piège. Mais c'est vérité prouvée, et tous les mariniers le savent: la mer

нал искусствам, какие приличествовали баронам: как владеть копьем и мечом, щитом и луком, бросать каменные диски, перескакивать одним прыжком широчайшие рвы; научил его ненавидеть всякую ложь, всякое вероломство, помогать слабым, держать данное слово; обучил всякого рода пению, игре на арфе и охотничьему делу. Когда мальчик ехал верхом среди юных оруженосцев, казалось, что его конь, оружие и он сам составляли одно целое и нельзя было их разделить. Глядя на него, столь прекрасного, мужественного, широкоплечего, тонкого в талии, сильного, верного и храброго, все славили Роальда, что у него такой сын. А Роальд, памятуя о Ривалене и Бланшефлер, юность и прелесть которых оживала перед ним, любил Тристана, как сына, и втайне чтил его, как своего повелителя.

Случилось так, что вся его радость окончилась в тот день, когда норвежские купцы, заманив Тристана на свой корабль, увезли его как славную добычу. Пока они плыли к неведомым странам, Тристан метался, как молодой волк, попавший в капкан. Но известно по опыту, — и все моряки хорошо это знают, —

porte à regret les nefс félonnes, et n'aide pas aux raptс ni aux traîtrises. Elle se souleva furieuse, enveloppa la nef de ténèbres, et la chassa huit jours et huit nuits à l'aventure. Enfin, les mariniers aperçurent à travers la brume une côte hérissée de falaises et de récifs où elle voulait briser leur carène. Ils se repentirent: connaissant que le courroux de la mer venait de cet enfant ravi à la male heure, ils firent vœu de le délivrer et parèrent une barque pour le déposer au rivage. Aussitôt tombèrent les vents et les vagues, le ciel brilla, et, tandis que la nef des Norvégiens disparaissait au loin, les flots calmes et riantс portèrent la barque de Tristan sur le sable d'une grève.

что море неохотно носит корабли вероломных и не помогает похищениям и предательствам. Гневное поднялось оно, объяло корабль мраком и гнало его восемь дней и восемь ночей куда попало.

Наконец моряки увидели сквозь туман берег, изрезанный утесами и подводными рифами, о которые должно было разбиться их судно. Они покалялись, поняв, что море разгневалось на них из-за этого ребенка, похищенного ими в недобрый час. Они дали обет отпустить его на волю и оснастили лодку, чтобы высадить его на берег. Тотчас же стихли ветры и волны, просияло небо; в то время как корабль норвежцев исчезал вдаль, успокоенные и смеющиеся воды отнесли лодку Тристана к песчаному берегу.

A grand effort, il monta sur la falaise et vit qu'au delà d'une lande vallonnée et déserte, une forêt s'étendait sans fin. Il se lamentait, regrettant Gorvenal, Rohalt son père, et la terre de Loonnois, quand le bruit lointain d'une chasse à cor et à cri réjouit son cœur. Au bord de la forêt, un beau cerf déboucha. La meute et les veneurs dévalaient sur sa trace à grand bruit de voix et de trompes. Mais, comme les limiers se suspendaient déjà par grappes au cuir de son garrot, la bête, à quelques pas de Tristan, fléchit sur les jarrets et rendit les abois. Un veneur la servit de l'épieu. Tandis que, rangés en cercle, les chasseurs cornaient de prise, Tristan, étonné, vit le maître-veneur entailler largement, comme pour la trancher, la gorge du cerf. Il s'écria:

«Que faites-vous, seigneur? Sied-il de découper si noble bête comme un porc égorgé? Est-ce donc la coutume de ce pays?

— Beau frère, répondit le veneur, que fais-je là qui puisse te surprendre? Oui, je détache d'abord la tête de ce cerf, puis je trancherai son corps en quatre

C большим трудом взобрался юноша на утес и увидел, что за холмистой и пустынной степью простирается бесконечный лес. Он сокрушался, сожалея о Горвенале, Роальде, своем отце и о земле Лоонуа, как вдруг далекий звук охотничьего рога и оклики развеселили его сердце.

На опушке леса показался прекрасный олень. Свора собак и охотники неслись по его следам, голося и трубя. Но когда несколько ищеек повисло на загривке зверя, он пал в нескольких шагах от Тристана на задние ноги при последнем издыхании, и один из охотников ударил его копьем. Между тем как, собравшись в кружок, они трубили об удаче, Тристан с удивлением увидел, как старший охотник полоснул оленя по горлу, словно собираясь его перерезать.

— Что делаете вы, господин мой? — воскликнул он. — Пристало ли свежевать столь благородное животное, как свежуют заколотую свинью? Разве таков обычай этой страны?

— Друг мой, — ответил охотник, — что сделал я такое, что могло бы тебя удивить? Да, я отниму сначала голову оленя, потом рассеку

quartiers que nous porterons, pendus aux arçons de nos selles, au roi Marc, notre seigneur. Ainsi faisons-nous; ainsi, dès le temps des plus anciens veneurs, ont toujours fait les hommes de Cornouailles. Si pourtant tu connais quelque coutume plus louable, montre-nous-la; prends ce couteau, beau frère; nous l'apprendrons volontiers.»

Tristan se mit à genoux et dépouilla le cerf avant de le défaire; puis il dépeça la bête en laissant, comme il convient, l'os corbin tout franc; puis il leva les menus droits, le mufle, la langue, les dainties et la veine du cœur.

Et veneurs et valets de limiers, penchés sur lui, le regardaient, charmés.

«Ami, dit le maître-veneur, ces coutumes sont belles; en quelle terre les as-tu apprises? Dis-nous ton pays et ton nom.

— Beau seigneur, on m'appelle Tristan; et j'appris ces coutumes en mon pays de Loonnois.

— Tristan, dit le veneur, que Dieu récompense le père qui t'éleva si noblement! Sans doute, il est un baron riche et puissant?»

Mais Tristan, qui savait bien parler et bien se taire, répondit par ruse:

тушу на четыре части, которые мы и отвезем, привязав к луке наших седел, королю Марку, нашему повелителю. Так поступаем мы; так поступали жители Корнуэльса со времен древнейших охотников. Если, однако, тебе знаком более достойный обычай, покажи нам его: вот тебе нож, друг мой, мы охотно у тебя поучимся.

Встав на колени, Тристан содрал с оленя шкуру, прежде чем разнять его; затем разнял, как подобало, не трогая крестца, отобрал потроха, морду, язык, ядра и сердечную жилу.

И охотники, и доезжачие, склонившись над ним, смотрели и любовались.

— Друг! — сказал главный охотник. — Обычай этот прекрасен. В какой стране научился ты ему? Скажи нам, откуда ты родом и как тебя звать?

— Господин мой, зовут меня Тристаном, а выучился я этому обычаю в моем отечестве Лоонуа.

— Тристан! — сказал охотник. — Да воздаст Господь отцу, который так достойно воспитал тебя. Он, наверное, барон, богатый и могучий.

Тристан, умевший не только хорошо говорить, но и с толком молчать, ответил ему хитро:

«Non, seigneur, mon père est un marchand. J'ai quitté secrètement sa maison sur une nef qui partait pour trafiquer au loin, car je voulais apprendre comment se comportent les hommes des terres étrangères. Mais, si vous m'acceptez parmi vos veneurs, je vous suivrai volontiers, et vous ferai connaître, beau seigneur, d'autres déduits de vénerie.

— Beau Tristan, je m'étonne qu'il soit une terre où les fils des marchands savent ce qu'ignorent ailleurs les fils des chevaliers. Mais viens avec nous, puisque tu le désires, et sois le bienvenu. Nous te conduirons près du roi Marc, notre seigneur.»

Tristan achevait de défaire le cerf. Il donna aux chiens le cœur, le massacre

— Нет, господин, отец мой — купец; я же тайно покинул дом на корабле, который отправлялся торговать в дальние страны, ибо хотел узнать, как в чужих землях живут люди. Если вы примете меня в число своих охотников, я с удовольствием пойду за вами и обучу вас, господин, и другим утехам охоты.

— Дивлюсь я, Тристан, что есть такая страна, где сыновья купцов знают то, чего в других землях не ведают дети рыцарей. Ступай же с нами, если хочешь! Добро пожаловать: мы отведем тебя к королю Марку, нашему повелителю.

Тристан кончил разнимать оленя; он отдал собакам сердце, голо-

et les entrailles, et enseigna aux chasseurs comment se doivent faire la curée et le forhu. Puis il planta sur des fourches les morceaux bien divisés et les confia aux différents veneurs: à l'un la tête, à l'autre le cimier et les grands filets; à ceux-ci les épaules, à ceux-là les cuissots, à cet autre le gros des nombles. Il leur apprit comment ils devaient se ranger deux par deux pour chevaucher en belle ordonnance, selon la noblesse des pièces de venaison dressées sur les fourches.

Alors ils se mirent à la voie en devisant, tant qu'ils découvrirent enfin un riche château. Des prairies l'environnaient, des vergers, des eaux vives, des pêcheries et des terres de labour. Des nefs nombreuses entraient au port. Le château se dressait sur la mer, fort et beau, bien muni contre tout assaut et tous engins de guerre; et sa maîtresse tour, jadis élevée par les géants, était bâtie de blocs de pierre, grands et bien taillés, disposés comme un échiquier de sinople et d'azur.

Tristan demanda le nom de ce château.

ву и внутренности и показал охотникам, как выделять долю для собак и подзывать их на рог. Затем, разместив на рогатинах хорошо приготовленные части оленьей туши, поручил их каждому охотнику в отдельности: одному — большой филей, другому — зад, этим — лопатки, тем — задние ноги, этому — оленьи бедра. Он научил их строиться попарно, чтобы ехать в хорошем порядке, согласно с достоинством тех частей дичи, которые торчали на рогатинах.

И вот они отправились в путь и ехали, беседуя, пока не очутились перед прекрасным замком. Его окружали луга, плодовые сады, живые воды, рыболовные тони и пахотные поля. Множество кораблей заходило в гавань.

Замок возвышался над морем, крепкий и красивый, хорошо защищенный против всякого приступа и осадных орудий; а главная его башня, некогда воздвигнутая великанами, была построена из каменных глыб, огромных и хорошо обтесанных, расположенных как зеленые и голубые клетки на шахматной доске.

Тристан спросил, как зовется замок.